

Старый лекарь, не обращая внимания на суету, достал из своей медицинской сумки бумагу и кисть.

— Это средство для сохранения плода, — сказал он. — Пусть ваш господин принимает по отвару каждые три дня. Это поможет ребенку правильно развиваться. Ваш господин слишком худой, его нужно как следует подкормить. А вот этот состав — для общего укрепления организма. Мужчинам вынашивать ребенка куда тяжелее, чем женщинам, нужно набраться сил к родам. Пить его каждый день не нужно, достаточно одного раза в четыре дня. Если возникнут какие-то непредвиденные обстоятельства, немедленно зовите меня. Первые три месяца — самые опасные, как для женщин, так и для мужчин. Волнения, чрезмерная активность или случайные ушибы могут легко погубить маленькую жизнь.

Вручив Сяо Лю два рецепта, старик расправил складки на одежде и похлопал ошарашенного слугу по плечу.

— Ну, я пойду. Берегите своего господина.

— О, лекарь Лю, я провожу вас!

Сяо Лю опомнился и поспешил проводить гостя до самого выхода, после чего вытащил из рукава слиток серебра.

— Есть еще что-то, о чем мне стоит знать? И, прошу вас, не разглашайте это.

— Главное — следите за настроением господина. Если ему захочется булочек, не вздумайте покупать утку. И побольше отдыха. Не волнуйтесь, я буду нем как рыба. Ты даже не представляешь, какая это удача — встретить беременного гермафродита! Если что случится, приходите в любое время, даже если я буду спать — разрешаю меня разбудить.

Сяо Лю улыбнулся и, постучав себя в грудь, пообещал:

— Лекарь Лю, я сам приду к вам за лекарствами, чтобы господин мог начать лечение как можно скорее.

Тем временем в доме у Цзян Ханя находились трое: Теневой страж, скрывавшийся в тени, пожилая женщина, отвечавшая за хозяйство и закупки, и молоденькая служанка.

Теневой страж думал о том, что, видимо, ему придется охранять Цзян Ханя до скончания веков. Пожилая женщина, которая с самого начала подозревала, что господин в положении, была поражена, что оказалась права. А служанка пребывала в полном смятении: как теперь быть? Уложить господина отдыхать или заставлять его больше есть?

— Хватит стоять столбом, — прервал их мысли Цзян Хань, потирая виски. — Идите по своим

делаю. Биши, ты тоже выйди. У меня голова идет кругом, хочу побыть один.

Вид у него был встревоженный. Женщина, закрыв дверь, потянула служанку в укромный уголок.

— Биши, — зашептала она, — господина привез сюда Глава Союза два месяца назад. Ребенок наверняка от него. Мы пришли сюда прислуживать, а теперь, похоже, господину снова придется возвращаться к Главе.

— И правда, — подхватила Биши. — Как думаешь, как Глава поступит? Кого выберет: господина Чу Мо или нашего господина?

— Думаю, господина Цзян Ханя. У него ведь ребенок под сердцем, это весомый аргумент против господина Чу Мо.

— Но Глава, кажется, больше заботится о господине Чу Мо...

— Ты ничего не понимаешь. Если бы Главе был безразличен наш господин, стал бы он покупать дом, приставлять к нему нас, да и Сяо Лю — хоть он и не самый важный человек, но все же один из стражей Главы. К тому же, ребенок — это ключ ко всему.

Вечером того же дня всё произошло так, как и ожидал Цзян Хань. Он нарочно выровнял дыхание, притворяясь спящим. Теневой страж, затаившийся в ночи, бесшумно приоткрыл дверь, а затем, оглянувшись, так же тихо закрыл её. Кроме едва уловимого звука петель, не раздалось ни шороха.

Как только страж ушел, Цзян Хань повернулся на бок и в темноте едва заметно усмехнулся, после чего наконец уснул.

Ло Шугуй отправился к реке четыре дня назад. Даже если бы страж мчался во весь опор, ему потребовалось бы не меньше пяти дней, чтобы догнать Главу.

Спустя семь дней после отъезда, в полдень, Ло Шугуй остановился в тени деревьев. Накормив лошадей, он неспешно направился вглубь рощи. С дерева перед ним мгновенно соскользнула черная тень.

— Докладывай, — сухо произнес Ло Шугуй. Его узкие глаза, казалось, стали еще суровее, а на губах еще блестели капли воды.

Изнуряющая жара, похоже, не действовала на человека с такой мощной внутренней энергией — на лбу у него не было ни капли пота. Однако настроение его было скверным, и это сквозило в каждом слове.

— Господин Цзян Хань беременен уже два месяца, — Теневой страж почтительно склонил голову. — Господин, что нам делать с этим ребенком?

Ло Шугуй, привыкший к своей внутренней силе, уже много лет не чувствовал настоящего зноя, но сейчас ему показалось, будто его окунули в раскаленную лаву. Он поправил воротник, не понимая, почему в душе, помимо раздражения, промелькнула искра радости. Это чувство было ему чуждо. Он хотел было приказать избавиться от плода, но слова застряли в горле. Сдерживая странный, жгучий порыв, он спросил:

— А что он сам об этом думает?

— Господин Цзян Хань, похоже, рад ребенку. С тех пор как узнал, стал чаще поглаживать живот, а за едой, даже когда аппетита нет, заставляет себя съесть лишний кусочек. И ложится спать раньше.

Услышав, что Цзян Хань рад ребенку, Ло Шугуй не изменился в лице, но в глубине его глаз промелькнуло довольство. В конце концов, одно дело — хотеть ребенка самому, и совсем другое — знать, что его хотят другие. Эта внезапная радость смутила его, и он лишь сильнее напустил на себя холодный вид.

Страж, глядя в пол, осторожно предположил:

— Если господину ребенок не по душе, я могу вернуться и устранить его, чтобы не оставлять следов на будущее.

— Не нужно. Возвращайся и тайно охраняй его. Если ему что-то понадобится — обеспечить. Я хочу, чтобы этот ребенок родился здоровым. Обо всем докладывай мне немедленно. И заведи с собой Сяо У, присматривайте за ним вдвоем.

Далеко в столице Цзян Хань наблюдал, как шкала расположения Ло Шугуя упала до сорока девяти, а затем мгновенно взлетела до семидесяти восьми и замерла. Он мягко и чисто улыбнулся.

Ло Шугуй вышел из рощи как ни в чем не бывало и с едва заметной нежностью посмотрел на Чу Мо, который дремал, прислонившись к дереву. Цикады, не умолкая, стрекотали в ветвях — их монотонный звук действовал как колыбельная.

Ло Шугуй сел рядом. Чу Мо не открыл глаз, но по знакомому запаху понял, кто это. Он отодвинулся, стараясь держаться подальше.

Хорошее настроение Ло Шугуя мгновенно испарилось. Его брови гневно сошлись на переносице, он схватил Чу Мо за плечо и резко развернул к себе:

— Ты что, бежишь от меня так, будто за тобой черти гонятся? Жить надоело?

— Я люблю тебя и хочу быть с тобой — неужели это так невозможно? Если ты так недоволен, зачем тогда поехал со мной? Мне не нравится, когда на меня так смотрят.

Строгость в его голосе сменилась вздохом:

— Ты же знаешь, у меня есть гордость. Я готов дать тебе время разобраться в своих чувствах, но не так. Ты не отказываешь прямо, но такое поведение ранит больше отказа.

Чу Мо, дрожа ресницами, наконец открыл глаза. Усталость от долгого пути и накопившееся напряжение вырвались наружу:

— А ты думаешь, я хочу так себя вести? Скажи, что это значило — подмешать мне афродизиак в вино?

Он с силой оттолкнул руку Ло Шугуя и встал. Вспомнив, что вокруг могут быть люди, он наклонился к самому уху Главы и прошептал, едва сдерживая ярость:

— Я думал, раз ты в тот день был у Цзян Ханя, я добавлю еще немного отравы, чтобы нейтрализовать действие твоего зелья и сделать его сильнее. Чем сильнее у человека внутренняя энергия, тем сложнее ему сопротивляться. Я хотел просто спихнуть тебя на кого-то другого, чтобы ты перестал думать обо мне. Ты понимаешь? Я считал тебя братом и не хотел, чтобы все это разрушило наши отношения. Я хотел, чтобы время все изменило. Но я ошибался. Сильно ошибался. Без хорошей оплеухи ты бы ничего не понял? Я тоже виноват — забыл о твоей гордости. Если бы я сказал раньше, ты бы уже отступил, а не тянул бы все это. Даже поход в павильон и выкуп Цзян Ханя был попыткой заставить тебя отступить, но вышло только хуже. Мы оба не понимали характеров друг друга, вот и дошли до такого конца.

Дыхание и жаркие слова стихли. Ло Шугуй выдохнул и сжал кулаки. Чу Мо вдруг рассмеялся и, обращаясь к ошарашенным окружающим, громко объявил:

— Отдохнули, хватит! А-Ло, идем, пора в путь!

Ло Шугуй поднялся. Глядя на Чу Мо, который вел себя так, будто ничего не произошло, он впервые почувствовал: тот был прав — они оба совершенно не знали характеров друг друга. В сердце кольнуло — боль была острее, чем если бы его утопили в океане.

— Гу Суй, Гу Суй! Хозяин! Мы избавились от одного соперника! Посмотри на уровень расположения Ло Шугуя к Чу Мо!

Что тут вообще произошло? Хотелось ругаться матом! В воздухе, прямо за спиной Ло Шугуя, высветилась цифра семьдесят, а рядом — надпись: Верный друг, готовый на всё, но не объект

для страсти.

Если бы это был прежний Цзян Хань, он бы уже давно проболтался о беременности. Тот, прежний, хотел подсунуть лекарство для прерывания плода, но Чу Мо постоянно мешал, брал его с собой в путь и окружил заботой. Ло Шугуй же тогда, из-за Чу Мо, смотрел на Цзян Ханя с презрением и насмешкой. Как ни крути, прежний Цзян Хань был просто мазохистом.

Цзян Хань потыкал пальцем в свой живот, который начал едва заметно округляться, и с видом наставника, полного горечи, заговорил:

— Послушай, у меня был один знакомый. Его никто не любил, а он все равно лез к людям. Это же просто напрашиваться на неприятности, понимаешь? Повторяй за мной: я стану человеком с четкими принципами и не позволю другим унижать себя!

Сяо Лю и Биши с ужасом наблюдали за тем, как Цзян Хань с ожесточением тычет в свой живот. Сглотнув, Биши прошептала:

— Господин, потише... Если хотите сорвать злость — бейте Сяо Лю, у него шкура толстая, не жалко.

Сяо Лю бросил на Биши убийственный взгляд и кашлянул:

— Господин, не сердитесь. Маленький господин наверняка знает, как вы на него надеетесь. Но воспитание подождет, не стоит так усердствовать.

Цзян Хань: на самом деле он просто воспитывал душу, поселившуюся в животе, и на самом деле не бил так сильно, как казалось со стороны. Не надо так волноваться! Он всё контролировал! После таких слов он сам начал чувствовать, будто совершил что-то ужасное.

— Всё хорошо, — кашлянул он. — Я знаю меру. Совсем не больно. Хотите потрогать?

— Господин Цзян в последнее время стал лучше есть, читает книги о боевых искусствах и воспитании детей, играет на флейте, хотя я не разбираюсь в музыке и не понимаю, что именно он играет, — докладывал Сяо У. Его хриплый голос звучал монотонно, а мощное тело, обтянутое черной тканью, казалось еще внушительнее. — Господин любит сладкое, особенно пирожные с османтусом из Павильона Опьяняющего бессмертного, каждый день после обеда съедает маленькую порцию. Еще он боится жары, моется дважды в день... и начал разводить цветы. Больше ничего особенного. Лекарь Лю говорит, что господин здоров, и с ребенком всё в порядке.

...Оказывается, доклады Сяо У могут быть такими скучными! Ло Шугуй пожалел, что вообще решил послушать его лично. Здоровяк, а выражать мысли совсем не умеет.

Ло Шугуй потерял виски и велел Сяо У возвращаться к охране, добавив, чтобы в следующий раз прислали Сяо Ци. Сяо У, не понимая, в чем провинился, почтительно попятился и лишь у двери развернулся, чтобы уйти.

Кажется, он ничего не напутал, господин действительно занимался только этим.

Важность умения красиво говорить! Если бы пришел Сяо Ци, доклад звучал бы иначе:

— Глава, в полночь господин не спал, около часа ночи открыл книгу, рассмеялся над фрагментом, нежно погладил округлившийся живот и прошептал: один человек с расстройством желудка жаловался лекарю, что ест огурцы — выходит огурец, ест арбуз — выходит арбуз, как вернуть нормальное пищеварение? Лекарь помолчал и ответил: только путем переработки...

Сяо Ци умел описывать повседневную жизнь Цзян Ханя с такими подробностями, что мог говорить целый час.

Прошел месяц. Цзян Хань был на четвертом месяце беременности, а Собрание боевых искусств подходило к концу. Октябрьское небо больше не дышало зноем, повеяло осенней прохладой.

Остался последний поединок, который должен был определить сильнейшего. Истинные мастера всегда сражаются на пределе, и эти схватки — лучший способ для других оценить уровень своего мастерства. Собрание проводилось раз в два года, и для многих это был шанс прославиться.

Статус Главы Союза давал огромную власть, но и положение его всегда было шатким. Последние два дня Собрания были самыми важными: четверо финалистов боролись за право называться сильнейшим. Победитель получал титул Главы Союза боевых искусств.

Как и императорский трон, этот титул не приносил покоя, но давал власть вершить судьбы. Тот, кто однажды сел в это кресло, уже не хотел его покидать. Ло Шугуй не собирался недооценивать участников финала.

— Глава, вот данные, которые вы просили.

Ло Шугуй взял светло-голубую тетрадь и начал перелистывать страницы, изучая имена и приемы четырех претендентов.

— ...Пятьдесят с лишним лет, а все туда же. Неужели нельзя уступить место молодым? Не стыдно?

Сегодня утром бывший Глава Союза вызвал на поединок Чжан Юйлиня, одного из четверки финалистов. Чжан Юйлинь, наследник Усадьбы Осенней Ночи, был счастлив, что пробился в

финал, и его улыбка аристократа казалась почти искренней. Но расслабился он слишком рано.

Как только объявили четверку, один из литераторов, готовившийся записать имена, вдруг замер.

— Ха-ха-ха, кажется, я успел вовремя!

Голос, прозвучавший над ареной, был наполнен такой мощной внутренней энергией, что у всех перехватило дыхание. Рука литератора, державшая кисть, помимо воли поднялась вверх, и кисть сама собой легла на подставку.

Литератор покраснел от гнева:

— Кто вы такой? Сметь вмешиваться в Собрание — значит открыто бросить вызов всему миру боевых искусств! Выходите, если не боитесь смерти!

Мужчина средних лет в темно-фиолетовых одеждах рассмеялся, словно услышал шутку:

— Забавно! Этот союз и так принадлежит мне. Бросить вызов?

<http://bllate.org/book/22156/2307882>